

«Я нашла правильное место для своего голоса и фигуры»

Коммерсантъ. - 2006. - 26 янв. - с. 21

Сегодня на Новой сцене Большого театра вместе с оркестром Большого и Александром Ведерниковым выступит знаменитая немецкая певица сопрано Ангела Деноке. Накануне концерта с АНГЕЛОЙ ДЕНОКЕ встретился СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.

— Вы ведь не с детства собирались стать певицей?

— Нет, сначала я училась только игре на фортепьяно. Потому что хотела стать учительницей, преподавать в обычной школе — и язык, и музыку. Однажды мои коллеги попросили меня спеть что-нибудь, потому что им показалось, что у меня громкий голос, — вот я и стала петь в маленьких концертах. Потом стала пытаться получить какой-то более серьезный опыт в области пения. Но до самого поступления в консерваторию в Гамбурге я никогда не думала о том, чтобы стать настоящей певицей, пела просто для своего удовольствия.

— Но ваш репертуар — в основном австрийская и немецкая музыка XX века: Берг, Веберн, Рихард Штраус. Это не совсем то, что обычно поют для собственного удовольствия.

— В любом случае певец должен выбирать себе репертуар исключительно по своему голосу. Я пою то, что мне удобно, то, где мне легче справиться. Да и внешность — я не думаю, что кто-то захотел бы увидеть, допустим, Сюзанну с моей внешностью! Вы ведь хотите спросить, почему я не пою итальянскую музыку?.. Обычно меня об этом спрашивают все. Еще раз повторю: просто-напросто мой голос больше подходит для вот этого немецкоязычного — и чешскоязычного, как в случае Яначека, — репертуара.

— Как рано вы пришли к этому ощущению?

— Довольно рано, но попеть итальянский репертуар я все равно успела. Во время занятий мне стало интересно, что такое прослушивание. Пришла в маленький театр в Ульме, попробовалась — и меня пригласили. Так вот, начала я как раз с Графини (в «Свадьбе Фигаро» Моцарта. — „Ъ“) и Алисы (Алиса Форд, партия из «Фальстафа» Верди. — „Ъ“). Мне кажется, что я нашла правильное место для моего голоса. И моей фигуры.

— Выбранный вами репертуар принято называть интеллектуальным. Как по-вашему, кому приходится в большей степени быть интеллектуалом в таком случае: певцу или дирижеру?

— Обоим. Если петь этот репертуар, нужно в том числе с большой скоростью соображать и реагировать, и это касается что певцов, что дирижеров...

— Вам кажется, что это требование относится только к тому репертуару, о котором мы говорим?

— Что вы, ни в коем случае! Но видите ли, фразу из Моцарта споем любой. Вы ее услышали и практически сразу запомнили. А с этим репертуаром, конечно, сложнее, здесь невозможно отключать голову — слишком много приходится одновременно держать в уме. Неожиданные смены темпа, например. Да и сами вокальные ли-

нии... мне они, безусловно, нравятся, но их же не споешь с листа вот так запросто.

— Вы часто выступаете в концертах теми фрагментами из «Воццека» Берга, которые вы будете петь в Москве?

— Нет, очень редко. Чаше — в театре; недавно выступала в Барселоне. Мне вообще не очень нравятся концерты, составленные из фрагментов. Ведь интереснее, когда вещь звучит целиком. Но в этом случае все не совсем так. Те три фрагмента, которые я буду петь, — это как бы концентрат всего, что происходит с главной героиней — Мари, с ее сознанием. Да и музыка сама очень подходит для того, чтобы эти фрагменты давать одним блоком в концертной программе. По-моему, Берг и написал их в самом начале работы над оперой, они и для него были основными, и это чувствуется.

— Сколько постановок «Воццека» у вас на счету? Какие имена режиссеров вы бы при этом отметили?

— Барселонская была шестой. В Зальцбурге я пела в постановке Петера Штайна, еще были спектакли Петера Конвичного, Йоханнеса Шаафа, Каликто Бьето. Наверное, если брать действительно известные имена, то это все.

— У вас есть ощущение, что какие-то режиссерские идеи в большей степени подходили к опере?

— В «Воццеке» заложено невероятное количество идей, за которые постановщик может с полным правом взяться. Так что мне кажется, что все постановки на свой лад подходили к опере правильно, но при этом и не исчерпали всех возможностей — я еще множество постановок могу вообразить, и все они будут «правильные». В этом, мне кажется, и особенность этой оперы. Там и персонажи настолько сложны, что их каждый раз можно спокойно играть совершенно по-разному, не нарушая основной канвы. Понятно, что у Мари необычайно сильный и самостоятельный характер и что она очень любит ребенка, но остальное в ней можно представлять совершенно по-разному.